

Едва пропели петухи и забрезжил рассвет, Цзи Линьси, преисполненный радужных надежд, поспешил во Двор Восходящего Солнца. Он грезил о том, как вновь узрит лик прекрасного господина, подобный цветку лотоса, однако действительность нанесла жестокий удар: ещё ночью тот со свитой отбыл в ямэнь префекта. Ему же велено было дожидаться пробуждения, дабы гвардейцы доставили его следом.

Улыбка мгновенно сползла с лица юноши.

— Господин Си, — подал голос гвардеец, оставленный присматривать за ним, — желаете отправиться сейчас или чуть позже?

— Прямо сейчас, — буркнул Линьси, стараясь не падать духом.

Вскоре он уже трясся в экипаже. Впервые в жизни оказавшись в настоящей повозке, Цзи поначалу чувствовал себя важной персоной, но стоило им выехать на рыночную площадь, как дразнящий аромат свежих мясных баоцзы вскружил ему голову. Не выдержав, он велел кучеру притормозить и принялся лихорадочно шарить за пазухой, выуживая последние медные монеты.

Это были его последние сбережения.

«Знал бы, прихватил бы вчера хоть парочку украшений», — с горьким раскаянием подумал он. Скрепя сердце, он всё же расстался с деньгами и купил несколько пышущих жаром баоцзы. Едва свёрток оказался в руках, он принялся поглощать их с жадностью голодного тигра, не обращая внимания на обжигающий сок — лишь бы набить пузо.

Ел он грубо и неопратно, заглатывая куски едва ли не целиком. Прикончив пять штук и уже занеся руку над оставшимися двумя, Линьси внезапно замер, будто что-то вспомнив.

А вдруг прекрасный господин тоже ещё не завтракал?

«Оставлю-ка я их для него», — решил он. Юноша бережно завернул баоцзы в промасленную бумагу, спрятал глубоко под одежду, поближе к телу, и удовлетворённо похлопал себя по груди. Так они не остынут до самого ямэня.

***

«У входа в ямэнь прекрасный господин лично вышел его встречать. Он сам откинул занавеску экипажа, и его влажные, полные нежности глаза впились в Линьси пронзительным взглядом.

— Господин Си... — прошептал красавец.

Линьси, сияя от преданности, достал из-за пазухи всё ещё тёплый свёрток.

— Господин, это ваш завтрак. Вы трудились всю ночь, верно, и маковой росинки во рту не было?

Прекрасный юноша замер, на его лице отразилось глубокое волнение. Тонкими пальцами он заправил выбившуюся прядь за ухо, чуть наклонился и приоткрыл уста. Сквозь влажную алую линию губ виднелся розовый зев, мягкий язык коснулся жемчужной белизны зубов — зрелище, полное невыразимого соблазна...»

***

Линьси, широко раскинув ноги и приоткрыв рот, сладко спал в трясущемся экипаже, когда звонкий, бесстрастный голос гвардейца ворвался в его сознание:

— Господин Си, мы прибыли. Прошу, выходите.

Он вздрогнул и подскочил, судорожно дрыгнув ногами. Сонное марево рассеялось, оставив после себя лишь горькое разочарование.

Сказать, что он был в ярости — значит не сказать ничего. Ведь оставался всего миг! Всего мгновение — и прекрасный господин вкусил бы угощение из его рук, попутно коснувшись кончиком горячего языка его пальцев...

Линьси в сердцах ударил кулаком по стенке экипажа, после чего, кое-как пригладив одежду и вытерев слюну в углу рта, величаво встряхнул рукавами и покинул повозку.

***

Его провели в залу для приёма гостей.

— Обождите здесь, — сухо бросил гвардеец. — Мой господин скоро явится.

Линьси уселся в кресло, изнывая от нетерпения. Осушив пару чашек чая, он уловил звук шагов и, решив, что это идёт Его Высочество, вскочил с сияющим лицом. Однако в дверях показались лишь Чан Си и Чжао Юнь. Садиться обратно было бы неловко, и он поприветствовал их как старых добрых знакомых:

— Брат Чан, дева Чжао.

Чан Си уже вполне разгадал натуру этого человека. Если бы не жажда мести за Цзинь'эр, он бы и на милю не подпустил к себе подобного типа. Посему он лишь сдержанно кивнул, не желая заводить пустых разговоров.

Чжао Юнь же, не ведая о дурных склонностях Линьси, была полна искренней благодарности. Её глаза радостно блеснули:

— Господин Чу, и вы здесь!

— Как видите, — отозвался тот.

— Давно вы прибыли?

— Только что.

В разговоре Линьси ни словом не обмолвился о том, что остался в поместье ещё вчера. Он украдкой окинул взглядом Чжао Юнь. Вчерашняя замарашка в рваном платье сегодня преобразилась: простая, но чистая одежда подчёркивала её природную скромность и чистоту.

Впрочем, Линьси смотрел на неё лишь из природного любопытства и быстро потерял интерес.

Чжао Юнь рассказала, что, покинув поместье Ван, сразу же поспешила домой. Лицо её при этих словах так и светилось счастьем. Родители встретили её с распростёртыми объятиями. Мать сама омыла ей волосы, отец приготовил лучший ужин; они оба заметно поседели от горя, но лишь плакали от радости, твердя, что главное — её возвращение. О том, что ей пришлось пережить, не было задано ни единого вопроса — будто она просто надолго уезжала и наконец вернулась под родной кров.

— Сегодня родители сами проводили меня сюда, они ждут за воротами, — добавила девушка.

Линьси, будучи сиротой, не понимал подобных чувств, но это не помешало ему изобразить на лице глубокое сострадание.

Стоило ему допить ещё одну чашку чая, как явился тот, кого он так жаждал увидеть — Наследный принц в сопровождении наследника Яня и старого евнуха.

— Господин, — Линьси тут же расплылся в подобострастной улыбке, подавшись вперёд.

Сегодня Чу Юй избавился от былой болезненности. Статный, безупречно сложенный, он излучал такое величие и благородство, что у Линьси внутри всё затрепетало. Казалось, каждый жест, каждый изгиб бровей этого человека был создан по его тайному заказу.

«Как может смертный быть столь прекрасен? — гадал он. — Слово небожитель спустился в мир праха»

Чу Юй одарил его едва заметной улыбкой и мягко произнёс:

— Я бесконечно признателен вам троим за помощь.

— Что вы, это мы должны благодарить господина за то, что свершили правосудие, — немедленно подхватил Линьси льстивым тоном.

Янь Хуай, стоявший поодаль с мечом на поясе, одарил его ледяным взглядом.

— Господин Чу прав, наше спасение — ваша заслуга, — поддержали его Чан Си и Чжао Юнь. В отличие от притворного подбострастия Линьси, их слова шли от самого сердца. Если бы не эти благородные господа из столицы, семья Ван ещё долго бы безнаказанно творила свои бесчинства.

Чу Юй лишь слегка улыбнулся. Стоило ему занять место во главе стола, как Линьси уже суетился рядом, наполняя его чашку. Действовал он с проворством опытного слуги, поднося чай обеими руками в глубоком поклоне:

— Прошу вас, господин, отведайте чая.

Евнух Чэнь недовольно нахмурился, глядя на это бесстыдство.

Чу Юй поблагодарил и принял чашу. Линьси заворожённо уставился на его кисти — белые, с лёгким розовым отливом, изящные, точно лепестки. Ему до боли в груди захотелось коснуться этих пальцев, но насладиться зрелищем не удалось: принц отпил глоток и поставил чашу, скрыв руки в широких рукавах.

— Господин Си, присаживайтесь.

Линьси нехотя вернулся на своё место.

— Господин Ван, его супруга и Ван Хэ взяты под стражу, — ровным голосом начал Чу Юй. — Вместе с уездным судьёй Хэ и префектом Сунем, а также всеми собранными доказательствами, они будут доставлены в столицу и переданы в Суд высшей инстанции для разбирательства. Что же касается вас, дева Чжао... — он на мгновение умолк. — Преступления Ван Хэ неисчислимы, и смерти ему не миновать. Однако негоже, чтобы из-за этого подонка пострадало ваше доброе имя. О том, что происходило в том поместье, не узнает ни одна живая душа. Дева Чжао, согласны ли вы на это?

Услышав такое, Чжао Юнь разрыдалась от благодарности. Она пала на колени, шепча сквозь слёзы:

— Спасибо вам за великую милость, господин!

Идя сюда, она была готова к тому, что её позор станет достоянием общественности — лишь бы мучитель понёс кару. Но если можно и наказать врага, и сохранить честь... кто бы отказался от такого дара?

Затем Чу Юй спросил её о планах на будущее.

— Я лишь хочу остаться с отцом и матерью, — закусив губу, ответила девушка. — Буду, как и прежде, торговать рыбой и заботиться о них.

Принц на мгновение задумался.

— В таком случае, дева Чжао, слушай Моё решение. Отныне и на десять лет вперёд все ямэни Юнчэна будут закупать рыбу только у тебя. Цена же будет на пятую часть выше рыночной. Согласна ли ты?

Чжао Юнь округлила глаза и запнулась:

— Это... это правда возможно?

Чу Юй кивнул:

— Если ты не против, Я распоряжусь об этом немедленно. Через несколько дней префектура доставит тебе официальную грамоту.

— Я согласна! Конечно, согласна! — закивала она. Её семья испокон веков жила рыбным промыслом, и подобный подряд навсегда избавил бы их от нужды.

Разобравшись с делами девушки, Чу Юй перевёл взгляд на Чан Си.

— А каковы ваши намерения, господин Чан?

Тот просил малого: помочь устроить родителей своей возлюбленной, а затем отправиться в столицу, дабы своими глазами увидеть казнь Ван Хэ. После этого он намеревался странствовать по свету, навсегда покинув Юнчэн.

Принц велел выдать ему тысячу лан серебра.

Когда судьбы двоих достойных людей были устроены, взгляд Чу Юя наконец остановился на Линьси. Выдержав едва заметную паузу, он мягко произнёс:

— А на что рассчитывает господин Си?

Линьси понял: настал его звёздный час. Тот самый миг, когда можно схватить судьбу за горло.

Он был маленьким человеком, плутом, готовым на всё ради сытой жизни, и упустить такой шанс означало бы никогда более не увидеть прекрасного принца, не говоря уже о том, чтобы когда-нибудь прижать его к себе. Линьси твёрдо верил: лишь сильный достоин владеть сокровищем.

Он пал ниц в глубоком поклоне, а когда поднял голову, лицо его лучилось притворным благородством.

— Ваш покорный слуга мечтает пройти государственные экзамены, обрести чин и послужить на благо династии Лун.

Он лихорадочно перерыл память в поисках чего-то высокопарного и наконец выудил подходящую фразу:

— Как говорится... пусть мал мой чин, но о судьбе страны забыть не смею, и лишь когда закроется мой гроб, делам моим настанет срок оценки!

«Блестяще! Какое изящество слога! — восхитился он сам собой. — Истинный гений»

Чу Юй: «...»

<http://bllate.org/book/15344/1372732>